

²⁷ Гавлин М. Л. Из истории российского предпринимательства: династия Боткиных: Науч.-аналит. обзор. М., 1999; Егоров Б. Ф. Боткины. СПб., 2004; и др.

²⁸ Кокорев Василий Александрович [Электронный ресурс] / Подгот. И. Левина // Чтобы помнили: [сайт]. [М., 2006–2015]. URL: <http://chtoby-pomnili.com/page.php?id=582> (01.03.2015); Кокорев В. А. Экономические провалы [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер — гуманитарные науки: [сайт]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/kokor/intro.php (01.03.2015).

²⁹ Лопухина Е. М. Самые знаменитые меценаты России. М., 2003. С. 247–253; Иванова Л. В. «Издатель и писатель по старой Москве»: Николай Александрович Найденов. 1834–1905 // Найденов Н. А. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 2007. С. 418–440; и др.

³⁰ Щукин П. И. 1) Краткое описание Щукинского музея в Москве. М., 1895; 2) Краткое описание нового владения Российского исторического музея в городе Москве. М., 1906; Щукинский сборник. Вып. 1–10. М., 1902–1912.

³¹ Петров Ю. А. Рябушинские. Фабрики и банки знаменитой династии России. М., 2011; Чистяков Г. С. Династия Рябушинских: от текстильной лавки до аэродинамического института // Умное производство. Вып. 27. Тверь, 2014.

³² Основатель коллекции Самарского художественного музея, купец-предприниматель, художник, меценат К. П. Головкин [Электронный ресурс] // Музей истории Самарского края и муниципальных образований в Самарской области: [сайт]. Самара, б. г. URL: http://museum.samgd.ru/region/pamjatnye_daty/dlja_pereposa/101949 (01.03.2015).

³³ Губина Н. М. А. И. Коновалов: вклад в преобразование культурного ландшафта российской провинции на рубеже XIX–XX вв. // Меценаты русской провинции... С. 70–81.

Д. А. Будюкин

ЦЕРКОВЬ И РАЗВИТИЕ КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИК РОССИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА В XVIII — НАЧАЛЕ XX в.

Одной из основных христианских религиозных практик, долгом каждого христианина является молитвенное поминовение живых и умерших, составляющих в своей совокупности единую Церковь; при этом богослужбное поминовение действеннее частной молитвы, и важнейшим и наиболее действенным является литургическое поминовение¹. Вокруг него строится совокупность практик, включающих вклады и пожертвования Церкви, религиозно и мемориально мотивированную благотворительность, храмоздательство, похоронные обряды и обустройство мест погребения, фамильные культы святых. Основная цель всех этих практик — способствовать спасению души христианина. Однако такая забота о спасении является также источником особого символического капитала, повышая престиж и социальную значимость самого вкладчика и его рода, а также транслируя память о нем будущим поколениям. Эти факторы формируют нерелигиозный, светский аспект церковной коммеморации.

Усилия, направленные на достижение спасения души, как собственной, так и умерших близких, обусловлены только силой религиозной веры и эмоциональной привязанности. Социальные и экономические факторы могут лимитировать их отсутствием средств и возможностей, но не стимулировать. Однако те же практики, имеющие целью светскую коммеморацию, социально и экономически обусловлены. В средневековом сознании религиозная и светская мотивации коммеморативных практик, тогда безусловно связанных с Церковью, в принципе неразделимы, и даже после секуляризации культуры и появления в России особых светских форм коммеморации (портретов, геральдики) провести между ними четкую границу невозможно. Однако уже тогда в чрезмерном рвении к церковной коммеморации могла видаться не польза для души, а, напротив, пагубная гордость.

Возможность хотя бы частичного выделения нерелигиозной мотивации церковной коммеморации представляет значительный исследовательский интерес. Так, например, в сословном обществе престиж и трансляция памяти особенно важны и значимы для дворянской элиты. Согласно О. Г. Эксле, в основе аристократизма лежит воспоминание. Аристократические качества наследуются и прибавляются с каждым последующим поколением, и чем дальше в глубь веков уходит родословная индивида (а значит — длиннее традиция воспоминания), тем он благороднее. Поэтому аристократию формирует именно *memoria* — память об умерших предках, их славных деяниях — как представление и как практика². Таким образом, выяснение степени заинтересованности социальной группы в статусно-престижных аспектах коммеморации может внести немалый вклад в разработку социальной характеристики этой группы.

Применительно к купечеству мы ни в коей мере не можем утверждать, что его как социальную группу в первую очередь характеризуют память и воспоминания. Однако несмотря на то, что само понятие древности рода к российскому купечеству практически неприменимо, и корни русского купца, как пишет А. И. Аксенов, «в лучшем случае терялись в провинциальных купеческих филиациях, а по большей части — в гуще непривилегированных сословий»³, «купеческие мемуары демонстрируют удивительную трепетность купца к своему отнюдь не знатному происхождению. Более того, география происхождения в них — очень чтимый момент в понимании семейной истории, то есть генеалогии... Своим провинциально-крестьянским происхождением будут гордиться и Прохоровы, и Вишняковы, и Рябушинские, и Зимины, и другие»⁴.

В сочетании с традиционной религиозностью русского купечества, которая начиная с петровских реформ становилась все менее характерна для дворянства, отмеченный выше интерес купцов к своим корням стал вполне достаточным мотивом для их интереса к различным формам церковно-коммеморативных практик. В связи с этим следует отметить, что снижение

интереса к церковной коммеморации у дворян XVIII в. сопровождалось нарушением трансляции памяти о своем происхождении: например, в 1743 г. князь Трифон Васильевич Кропоткин, являвшийся Рюриковичем, показал, что происходит из касимовских татар⁵. На этом фоне заинтересованность купечества в церковной коммеморации особенно заметна. Как отмечает Е. Д. Беспаленок, традиция храмосздания достигла наивысшей точки в своем развитии только в XVIII в.⁶ Среди основных мотивов купеческого храмосздательства она называет отсутствие наследников, благополучно пережитые серьезные жизненные трудности и достигнутый успех в делах, отмечая при этом как важнейший, первостепенный фактор, присущую не всем, но многим купцам высокую духовность личности, побуждавшую заботиться о спасении души⁷.

Значительный исследовательский интерес, и не только в связи с купечеством, представляет такая церковно-коммеморативная практика, как погребение в церкви. Как пишет протоиерей Владислав Цыпин, «в древности запрещено было погребать усопших в церквах, потому что в них хранились мощи мучеников. Об этом говорится в 41-м каноническом ответе Вальсамона, вошедшем в “Кормчую” как 6-й канонический ответ Иоанна Китрского. Однако в Средние века появился обычай хоронить в храмах знатных лиц. Впоследствии этот противоречащий древнему церковному праву обычай в Православной Церкви перестал существовать. Исключения допускались лишь в отношении епископов и членов царствующей фамилии, о чем говорится в 329-й главе сочинения Симеона Солунского “О святых священнодействиях”»⁸.

В действительности обычай хоронить знатных лиц в православных храмах в России перестал существовать только после 1917 г. по очевидным причинам. Этот обычай, возникший в XVI в., был воспринят современниками неоднозначно в силу новизны практики и лежащего в ее основе стремления поставить умершего наравне с правителями и иерархами, то есть стремления, по крайней мере отчасти мотивированного гордостью. Так, церковь Святого Владимира, возведенная в Кирилло-Белозерском монастыре над могилой умершего в 1553 г. князя Владимира Ивановича Воротынского его вдовой Марией Федоровной, сделала его первым в России частным лицом (не владельцем князем и не иерархом Церкви), погребенным внутри храма⁹. В своем Послании в Кирилло-Белозерский монастырь (1573 г.) Иван Грозный высказался по этому поводу так: «А вы се над Воротыньским церковь есте поставили! Ино над Воротыньским церковь, а над чудотворцом нет. Воротыньской в церкви, а чудотворец за церковию! ... Слышах брата от вас некоего глаголюща, яко добре се сотворила княгиня Воротыньскаго. Аз же глаголю, яко не добре, по сему первое яко гордыни есть и величания образ, еже подобно царстей власти церковию и гробницею и покровом почитатися. И не токмо души не пособие, но и пагуба: души бо пособие бывает от всякого смирения»¹⁰.

Таким образом, осознаваемая обществом в то время неуместность похорон частного лица в храме была обойдена возведением храма над уже существующей могилой. Впоследствии, в XVIII–XIX вв., погребение дворян в построенных ими усадебных храмах либо в церквях-усыпальницах монастырей стало делом обычным и не вызывающим вопросов и возражений. Закрепился известный и ранее обычай, согласно которому храмоздатель имел безусловное право быть похороненным в возведенной им церкви. Уже в XVII в. купцы-храмоздатели нередко предусматривали в «своем» храме не только мемориальный придел в честь святых-покровителей семьи, но и семейную усыпальницу (например, в ярославской церкви Ильи Пророка)¹¹. Следует, однако, иметь в виду, что в данном случае речь идет о гостях, которые вместе с торговыми людьми Гостиной и Суконной сотен образовывали высший слой купечества того времени, по своему «чину» были государевыми служилыми людьми и социально и культурно сближались со знатью родовой и высшим слоем духовенства¹². В XVIII в. представители этого слоя торговых людей либо утратили свой высокий статус, либо перешли в дворянство, практически не сыграв роли в формировании русского купечества последующего периода¹³.

Внутрихрамовое погребение купцов на протяжении XVIII — начала XX в. встречается довольно часто и практиковалось вплоть до революции 1917 г. (например, возведенный в 1917 г. храм Симеона Персидского с усыпальницей Зайцевых на Пятницком кладбище Москвы). При этом обращает на себя внимание переход значительной части погребений в церквях частных лиц, в том числе практически всех погребений в городских соборах, в сферу публичной коммеморации. Так, например, в соборах Петербурга и Вереи похоронены соответственно М. И. Кутузов и И. С. Дорохов. Некоторые другие герои 1812 года похоронены в церквях своих имений, построенные специально для их погребения¹⁴; вероятно, что их погребение внутри церкви было обусловлено статусом героев войны, а в частном характере возведения этих храмов-усыпальниц проявляется сочетание частной и публичной коммеморации. Преимущественно к купечеству и в то же время к публично-коммеморативной сфере относится то, что основателей богаделен и домов призрения часто хоронили в церквях основанных ими учреждений¹⁵.

Спорным вопросом, связанным с церковно-коммеморативными практиками купечества, является определение церковной благотворительности. Обычно под ней понимается благотворительная деятельность и социальное служение, осуществляемые Церковью. В то же время К. Е. Балдин, например, пишет: «В предпринимательской среде одной из характерных черт религиозной практики (ортопраксии) были пожертвования в пользу церкви и монастырей. В современной исторической литературе в отношении этой деятельности утвердился термин “церковная благотворительность”. Вместе с тем в рассматриваемый период такая дефиниция почти не употреблялась. Слово

“благотворительность” тогда зачастую являлось синонимом другого термина, “филантропия”, и подразумевало помощь не церкви, а людям — престарелым, сиротам, неспособным к труду и пр. Что касается материальных пожертвований на церковные цели, то они обозначались в литературе и источниках как “усердие к Дому Божию”, “ревность к церкви” и т. п.». Далее автор указывает, что несмотря на это он «будет пользоваться термином, прочно утвердившимся в последнее время в научной литературе»¹⁶, к сожалению, не уточняя в какой именно литературе утвердилось такое понимание термина.

Имели место и такие выходящие за рамки общепринятого церковно-коммеморативные практики, о мотивах которых можно только догадываться. Например, один из представителей русского купечества второй половины XIX в. совершил акт, очевидно, имеющий отношение к церковной коммеморации, но явно отрицательного характера. Пожилой и небогатый московский купец П. А. Солодовников, имевший лавку в торговых рядах, закрытых в то время под снос для строительства на их месте здания, известного нам как ГУМ, 12 октября 1886 г. пришел в кремлевский Архангельский собор перед началом литургии и, передав причетнику рубль и свое метрическое свидетельство, заказал на следующий день панихиду по указанному в свидетельстве лицу. После этого Солодовников зашел в собор и зарезался в его малом приделе, где и был найден по окончании богослужения лежащим на полу мертвым с просфорой в руке¹⁷. Как пишет Н. А. Варенцов, «это происшествие произвело большой шум в Москве, вызвав недоброжелательство к городскому голове Алексееву»¹⁸ (инициатору сноса лавок и строительства нового здания). Происшествие привлекло внимание и других мемуаристов¹⁹, однако его церковно-коммеморативный смысл (необычное место самоубийства, заказ панихиды по себе, просфора в руке) не был отмечен современниками, и расшифровка этого смысла сейчас крайне затруднительна.

Изучение церковно-коммеморативных практик российского купечества только начинается и сделать основные выводы еще предстоит. Тем не менее уже сейчас можно отметить, что эти практики были в рассматриваемый период разнообразны и широко распространены, а среди основных мотивов данной деятельности имеют место и личная религиозность, и родственная привязанность, и мотивы собственно коммеморативного характера.

Примечания

¹ *Афанасий (Сахаров С. Г.)*. О поминовении усопших по уставу Православной церкви. М., 2007. С. 55, 85.

² *Эксле О. Г.* Аристократия, тетогия и культурная память (на примере мемориальной капеллы Фуггеров в Аугсбурге) // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени*. М., 2003. С. 38.

³ *Аксенов А. И.* География, климат, время в жизни русского купца конца XVIII — первой половины XIX века // *Проблемы экономической и социокультурной истории фео-*

дальной России: Материалы конф., посвящ. 80-летию со дня рождения проф. Александра Александровича Преображенского. Москва, нояб. 2005 г. М., 2010. С. 265–266.

⁴ Там же. С. 266.

⁵ Дворянские роды Российской империи. Т. 1. СПб., 1993. С. 245.

⁶ *Беспаленок Е. Д.* Факторы развития купеческого храмостроительства в XVIII веке // Проблемы экономической и социокультурной истории феодальной России... С. 248.

⁷ Там же. С. 256–259.

⁸ *Дытин В.* Курс церковного права: Учеб. пособие. Клин, 2004. С. 481.

⁹ См.: *Сукина Л. Б.* Человек верующий в русской культуре XVI–XVII веков. М., 2011. С. 202–203; *Kleimola A.* A woman's gift: the patronage of commemoration in the Russian North // *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte.* 2001. Vol. 58. P. 151–161; *Soldat C.* Sepulchral monuments as a means of communicating social and political power of nobles in early modern Russia // *Contested spaces of nobility in early modern Europe.* Burlington, 2011. P. 103–126.

¹⁰ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 173.

¹¹ *Сукина Л. Б.* О так называемом «посадском» элементе в социокультурной среде русского города XVII в. // Диалог со временем: Альм. интеллектуал. истории. Вып. 33. М., 2010. С. 288.

¹² Там же. С. 286.

¹³ *Аксенов А. И.* Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования рус. буржуазии. М., 1988. С. 34–55.

¹⁴ См., напр.: *Лукашевич А. М.* Персональные и коллективные захоронения участников войны 1812 г. на белорусской земле и их мемориализация (1812–2011) // 1812 год. Люди и события великой эпохи: Материалы Междунар. конф. Москва, 21–22 апр. 2011 г. М., 2011. С. 69–107.

¹⁵ *Кобак А. В., Пирютко Ю. М.* Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.; СПб., 2009. С. 682–683.

¹⁶ *Балдин К. Е.* Церковная благотворительность провинциальных предпринимателей во второй половине XIX — начале XX в.: (На примере губерний Верхней Волги) // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 38.

¹⁷ Русские ведомости. 1886. 13 окт.

¹⁸ *Варенцов Н. А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 358.

¹⁹ *Слонов И. А.* Из жизни торговой Москвы. (Полвека назад) // Ушедшая Москва: Воспоминания современников о Москве второй половины XIX века. М., 1964. С. 209.

И. Г. Кусова

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ КУПЕЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ: ИСТОЧНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ (на примере Скорбященского кладбища Рязани)

Изучая деловой мир России, современные исследователи значительное внимание уделяют социокультурным аспектам. Для этого используются разнообразные источники: материалы государственных архивов, музейных фондов, реже — семейных архивов. В качестве источников выступают и памятники материальной культуры — жилые и производственные здания¹, благотворительные постройки, некрополи.